

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бузрукова К.Д.

преподаватель кафедры теории русского языка и переводоведения

АГИИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика женского голоса в эпистолярной традиции русской и узбекской литературы. Исследование опирается на сравнительный подход и исходит из понимания письма как особой формы художественной и культурной саморепрезентации. Показано, что в русской литературной традиции женское письмо сформировалось как самостоятельный историко-культурный феномен, тесно связанный с повседневностью, частной сферой и эмоционально-рефлексивной манерой высказывания. В узбекской литературе женский голос в эпистолярной перспективе чаще проявляется через лирическую исповедальность, обращенность и включение писем в художественный сюжет. Особое внимание уделяется классической поэзии Увайси, лирике Зульфийи и роману Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», где письмо становится важнейшим средством раскрытия внутреннего мира героини. Делается вывод о том, что в обеих традициях письмо выступает пространством субъективации женского опыта, однако формы его литературной институционализации различны.*

***Ключевые слова:** женский голос, эпистолярная традиция, женское письмо, русская литература, узбекская литература, Увайси, Зульфийа, Абдулла Кадыри, частная переписка, поэтика письма.*

Проблема женского голоса в литературе в последние десятилетия все более отчетливо связывается с исследованием тех форм письма, в которых личное высказывание оказывается одновременно культурным жестом, способом самосознания и моделью внутренней свободы. Письмо в этом

смысле занимает особое место: оно соединяет адресность и интимность, документальность и художественность, бытовое и символическое. Не случайно в современном литературоведении само понятие «женское письмо» понимается не как простая совокупность текстов, написанных женщинами, а как более сложная форма организации субъективности, требующая специального аналитического инструментария.¹ В эпистолярной традиции эта особенность проявляется особенно ярко, поскольку письмо фиксирует не только сообщение, но и ситуацию самовыражения, выбор адресата, интонацию доверия, скрытую или явную исповедальность.

Русская традиция дает для такого анализа особенно богатый материал. Как показывает А. В. Белова, женская эпистолярная культура в России рубежа XVIII–XIX веков может рассматриваться как самостоятельный историко-культурный феномен. Важна здесь не только интенсивность женской переписки, но и ее укорененность в самой структуре дворянской повседневности. Письмо для дворянки было не внешним приложением к жизни, а одной из устойчивых форм ее культурной активности, способом сохранения эмоциональных связей, осмысления событий и выстраивания личного пространства. Тем самым женский голос в русской эпистолярной традиции изначально формируется в точке пересечения частного опыта и культурной нормы: письмо одновременно следует этикету и нарушает его изнутри личной интонацией.

Существенно, что в русской эпистолярной культуре особенно значимой оказывается связь письма с повседневностью. Белова подчеркивает, что базовые жизненные ситуации и отношения — родственный круг, душевное самочувствие, радости и горести, будни и праздники — становились предметом подробного описания и осмысления в женской переписке. Именно здесь обнаруживается важнейшая черта женского голоса: способность превращать частное переживание в форму культурной рефлексии. Русское

¹Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы: учебное пособие. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. С. 4.

женское письмо не только сообщает о событиях, но и организует их в особую внутреннюю историю, где домашняя сфера перестает быть чем-то «второстепенным» и выступает как центр жизненных ценностей. Поэтому в эпистолярной русской женщин письмо выполняет не служебную, а смыслообразующую функцию: оно конструирует субъект, который говорит от первого лица, но всегда в поле отношений, памяти и нравственной самооценки.²

Если обратиться к узбекской литературе, то здесь женский голос в эпистолярной перспективе исторически развивается иначе. Он значительно теснее связан с лирической традицией, поэтикой обращения, исповедального монолога и художественно встроенного письма. Одной из исходных фигур этого процесса является Джахан-Атын Увайси. В узбекском литературоведении она характеризуется как одна из первых женщин-писательниц, внесших большой вклад в развитие узбекской классической литературы; при этом подчеркивается, что в ее поэзии получили выражение не только религиозно-мистические мотивы, но и боль, духовный опыт и переживания женщин своего времени [4]. Для нашей темы это принципиально: хотя мы не имеем здесь столь же институционально оформленного массива частной переписки, как в русском дворянском эпистолярной, сама интонация личного, обращенного и страдательного высказывания уже создает основу для формирования женского голоса как культурно значимого явления.

Эта линия получает новое развитие в творчестве Зульфийи. По наблюдению Адхама Акбарова, пронизывающий поэзию Зульфийи лиризм основан на глубоко личном отношении автора к изображаемому миру; чувства поэтессы подаются как внутренне прожитые и потому легко переводимые в общезначимый эмоциональный опыт. Особенно важны те фрагменты литературного портрета, где сама Зульфийа говорит о жизни простой узбекской женщины как о предмете постоянного поэтического волнения и особого

² Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 182–183.

художественного выражения, а исследователь отмечает, что, когда поэтесса начинает говорить именно об узбекской женщине, ее голос звучит «особенно мягко и душевно».³ В данном случае лирика оказывается близка эпистолярной модели: обращенность, доверительность, теплота интонации, установка на собеседника и внутренняя исповедальность делают поэтическое слово функционально родственными письму. Женский голос в узбекской литературе поэтому раскрывается не только через жанр письма как таковой, но и через письмообразную форму высказывания.

Особенно наглядно эпистолярный потенциал узбекской литературы проявляется в прозе, прежде всего в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни». В исследовании Вань Хайсуна показано, что письма в этом тексте выполняют не вспомогательную, а структурную функцию: они вмешиваются в развитие сюжета, меняют его направление, фиксируют чувства героев и становятся материальным носителем эмоций и культурной памяти. Для темы женского голоса особенно значимы эпизоды, связанные с Кумуш. Исследователь прямо отмечает, что Кумуш, изнывая от тоски, пишет мужу письмо с упреками, а система подлинных и поддельных писем в романе обнажает механизм женского недоверия, боли, ревности и одновременно внутренней верности. Здесь письмо уже не просто форма общения, а пространство, в котором женщина получает возможность выразить то, что затруднено или невозможно в непосредственном разговоре. Иначе говоря, женский голос в узбекской прозе входит в литературу через эпистолярную драматизацию чувства.

Показательно, что в литературе Узбекистана, в том числе русскоязычной, исследователи фиксируют усиление исповедальных форм повествования. В коллективной монографии «Русскоязычная литература Узбекистана» А. М. Балтабаева отмечает, что для одного из этапов развития русскоязычной повести в Узбекистане характерно преобладание

³Акбаров А. Зульфия: литературный портрет. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1985. С. 3–4, 99–101.

исповедальной формы повествования.⁴ Эта деталь важна не только для жанровой истории, но и для понимания женского голоса: эпистолярное и исповедальное в литературе часто оказываются сближенными формами, поскольку обе модели основаны на внутреннем монологе, доверительной интонации и персонализированном опыте. Отсюда можно сделать вывод, что в узбекском и русскоязычном литературном материале региона письмо как жанр нередко переходит в более широкую систему интимно-рефлексивного высказывания.

В этой связи важны и наблюдения узбекских исследователей женской прозы. В диссертационной работе Умиды Хаккуловой подчеркивается, что женская проза рассматривает действительность с женской точки зрения, учитывая особенности женской психологии, а также ставит вопрос о существовании особой женской эстетики, женского языка и женской способности письма. Хотя речь здесь идет прежде всего о современной прозе, эти положения продуктивны и для эпистолярной традиции. Они позволяют увидеть, что женский голос не исчерпывается тематикой «женской судьбы», а связан со способом видения мира, выбором речевой перспективы и характером эмоционального приближения к изображаемому. Эпистолярность в таком случае предстает не только жанром, но и способом организации текста, при котором личное слово получает повышенную смысловую нагрузку.

Сопоставление русской и узбекской традиций позволяет увидеть как сходства, так и принципиальные различия. Сходство состоит в том, что и там и там женский голос наиболее отчетливо проявляется в тех формах, где автор или героиня получает возможность говорить изнутри переживания — без обязательной внешней риторики, в режиме обращения, признания, ожидания отклика. Различие же связано с формой культурной институционализации этого голоса. В русской традиции письмо достаточно рано становится самостоятельной и массово представленной практикой частной культуры, что

⁴Балтабаева А. М. Символика в повести Т. Пулатова «Окликни меня в лесу» // Русскоязычная литература Узбекистана / под общ. ред. С. Э. Камиловой. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2022. С. 19.

позволяет говорить о развернутой женской эпистолярной системе.⁵ В узбекской литературе женский голос чаще возникает на пересечении лирики, обращенного монолога и письма как сюжетного элемента; отсюда его особая эмоциональная концентрированность и тесная связь с поэтикой чувства. Это не свидетельствует о «недоразвитости» одной из традиций, а указывает на различие культурных траекторий: русский материал дает прежде всего архив женского самоописания, узбекский — художественные формы его символизации.

Таким образом, женский голос в эпистолярной традиции русской и узбекской литературы следует рассматривать как особую форму культурной субъективации. В русском материале письмо выступает пространством повседневной, эмоциональной и нравственной рефлексии, в котором женщина осваивает собственное «я» через частную переписку. В узбекской литературе эпистолярность чаще сопряжена с лирической и сюжетной драматизацией внутренней речи, благодаря чему женский голос приобретает высокую степень эмоциональной выразительности. Но в обоих случаях письмо — реальное или художественно смоделированное — становится способом преодоления немоты, социальной замкнутости и внешней заданности роли. Именно в этом заключается его фундаментальное значение для истории женского письма и для сравнительного литературоведения в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акбаров А. *Зульфия: литературный портрет*. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1985. 216 с.
2. Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. *Гендерный аспект изучения литературы: учебное пособие*. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. 96 с.
3. Балтабаева А. М. Символика в повести Т. Пулатова «Окликни меня в лесу» // *Русскоязычная литература Узбекистана* / под общ. ред. С. Э. Камиловой. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2022. С. 18–27.

⁵ Хаккулова У. Современная женская проза и ее место в современном литературном процессе: магистерская диссертация. Навои, 2015. С. 60, 68.

4. Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // *Культура и текст*. 2016. № 2 (25). С. 167–185.
5. Вань Хайсун. О нарративной функции эпистолярного текста в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» // *Oriens*. 2025. Т. 5. № 26. С. 424–434. DOI: 10.24412/2181-1784-2025-26-424-434.
6. Кенжаева С. Ш. Женский почерк в узбекской литературе // *Экономика и социум*. 2023. № 7 (110). С. 1–5.
7. Павлова Н. И. Возможно ли прочесть «женское письмо»? К проблеме гендерно ориентированной нарратологии // *Мир русского слова*. 2013. № 3. С. 79–84.
8. Хаккулова У. *Современная женская проза и ее место в современном литературном процессе*: магистерская диссертация. Навои: Навоийский государственный педагогический институт, 2015. 85 с.